

ГОДЫ В НАУКЕ, ДИПЛОМАТИИ, БОРЬБЕ ЗА МИР ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН ОЛЕГА НИКОЛАЕВИЧА БЫКОВА

Я родился 15 октября 1926 г. в Туле, в семье врачей. Был первенцем, и родители надеялись, что я пойду по их стопам. Но врачом стала младшая из моих двух сестер. Меня же влекли другие интересы. Еще в школьные годы я почувствовал тягу к познанию того, что лежит за пределами нашей страны. Меня интересовало, как устроены другие государства и как живут там люди, почему у нас к ним неприязнь и как они на самом деле относятся к нам, что происходит на мировой арене, к чему идет дело, к миру или к войне. Учебники и доступная литература давали на эти вопросы слишком скудные и очень уж однобокие ответы. Тогда и зародилась у меня потребность обратиться к науке, чтобы непредвзято разобраться самому во всем этом. Замаячила мечта – приобщиться к серьезному исследованию окружающего нас мира, стать специалистом-международником.

Мечта сбылась не сразу. Первым шагом на пути к ее осуществлению было по окончании средней школы поступление в 1944 году – не без трудностей и препятствий – в Московский государственный университет на факультет международных отношений, который вскоре преобразовался в Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел СССР (МГИМО). Передо мной открылась дверь в то неизведанное, познать которое я так стремился.

Разумеется, в рамках тогдашнего сурового режима многое оставалось за семью печатями, но по сравнению со скудной и недостоверной открытой информацией хлынувшие на меня потоки ранее недоступного воспринимались как источники, наполнявшие безбрежный океан знаний. Профессора и преподаватели Института научили постигать науку о международных отношениях и способы ее применения на практике. Важной составляющей профессиональной подготовки было изучение иностранных языков. В дополнение к школьным знаниям немецкого я

с увлечением погрузился в серьезное освоение давно привлекавшего меня английского, а также французского языков.

В 1949 г. с отличием окончил полный курс обучения в МГИМО, получил предложение поступить на дипломатическую службу, в Министерство иностранных дел Белорусской ССР. Предпочел остаться в Институте в качестве аспиранта на кафедре всеобщей истории, надеясь и дальше заниматься наукой. Но судьба распорядилась иначе, отодвинув, по крайней мере, на время осуществление моих намерений.

К истечению срока аспирантуры в 1952 г. я подготовил кандидатскую диссертацию об американо-японских переговорах накануне войны на Тихом океане, написанную на основе изуче-

ния широкого круга советских и иностранных источников и литературы. Однако к защите диссертацию не допустили на том основании, что в ней приведено мало высказываний Сталина. Решил не переделывать работу, формально вписывая в нее цитаты, не имевшие отношения к рассматриваемой проблеме. Защита диссертации в ее первоначальном виде состоялась уже после смерти вождя. В 1954 г. получил диплом о присуждении ученой степени кандидата исторических наук.

А в 1952 г. по окончании аспирантуры без кандидатского диплома мне пришлось искать работу. К этому времени я уже «укоренился» в Москве, женился, получил постоянную прописку, но надо было думать о хлебе насущном. Были разные возможности, но я остановил свой выбор на Советском комитете защиты мира, общественной организации, которая уже посылала меня как переводчика на встречи сторонников мира в зарубежных странах. Как сотрудник Комитета работал с иностранными делегациями, посещавшими Советский Союз. А с 1955 по 1959 гг. находился с женой и дочкой в командировке во Всемирном Совете Мира в Вене в качестве помощника Секретаря от Советского Союза и заведующего отделом документации. Вместе с сотрудниками многонационального аппарата ВСМ участвовал в подготовке и проведении мероприятий всемирного движения сторонников мира в Австрии и других европейских, а также азиатских странах. Был соавтором и редактором публикаций ВСМ.

Что бы ни говорилось о движении сторонников мира лишь как об инструменте советской политики, объективно в ту пору, когда над человечеством нависала угроза ядерного уничтожения, жизненно необходимыми были любые усилия – откуда бы они не исходили, – лишь бы предотвратить катастрофу. Люди доброй воли в самых разных странах выступили в защиту мира, создавая грозную опасность всеобщей гибели. Что касается Всемирного Совета Мира, созданного по инициативе и при поддержке Советского Союза, то он явился лишь одним из многих центров миролюбивой деятельности мировой общественности, никоим образом не связанных и не ассоциировавшихся с советской политикой.

Работа в международном коллективе Секретариата ВСМ обогатила меня опытом понимания многообразия современного мира, выходящего за рамки идеологических, политических и иных противоречий, и поисков подходов к решению общечеловеческих проблем. Частые поездки по многим странам и встречи с людьми разных национальностей и убеждений позволили накопить впечатления и знания, которые не почерпнуть из книг и средств массовой информации. Многое дало мне общение с такими известными учеными и деятелями культуры, как Президенты ВСМ Фредерик Жолио-Кюри и Джон Бернал, руководители советского и всемирного движения сторонников мира писатели

Николай Тихонов, Александр Фадеев, Александр Корнейчук, Илья Эренбург.

Со временем руководимое ВСМ движение расширило диапазон сотрудничества с другими миролюбивыми силами. Одновременно с этим возникали новые движения, посвятившие себя профессиональному рассмотрению конкретных проблем мира и разоружения. Эту же цель преследовали специализированные встречи советских и американских общественных деятелей и экспертов, особенность которых заключалась в закрытом, сугубо деловом порядке обсуждения взрывоопасной стадии глобальной конфронтации и путей ее дезэскалации. Первая встреча состоялась в октябре-ноябре 1960 г. в Дартмутском колледже, штат Нью-Хэмпшир, США. Инициаторами ее были американский публицист и издатель Норман Казинс и советский драматург Александр Корнейчук, они же возглавляли делегации представителей своих стран на нескольких последующих встречах.

В ходе откровенного обмена мнениями, не предназначенного для опубликования, выявлялись точки наиболее опасного столкновения интересов двух сверхдержав и высказывались соображения относительно предотвращения их дальнейшего обострения вплоть до потери контроля над ними и скатывания к полномасштабному открытому конфликту. Итоги дискуссий и рекомендации в условиях конфиденциальности доводились до сведения политического руководства СССР и США. При негласной официальной поддержке с обеих сторон Дартмутские встречи проводились регулярно, попеременно в Советском Союзе и Соединенных Штатах. Постоянно расширялся перечень обсуждавшихся на них проблем и состав участников. Первоначальная антиэскалационная тема оставалась приоритетной, особенно после кубинского ракетного кризиса, но наряду с ней углубленному рассмотрению подвергались вопросы ограничения и сокращения стратегических вооружений и урегулирования региональных конфликтов. В ретроспективе представляется, что, вынесенные за скобки идеологической борьбы, прагматические советско-американские обсуждения внесли вклад в осознание на высшем политическом уровне реальной обоюдной опасной ситуации и необходимости поисков взаимоприемлемых выходов из нее.

Мне довелось участвовать в Дартмутских встречах, с самой первой и далее на протяжении двух десятков лет. Это послужило для меня школой освоения «технологии» политического диалога и выработки решений на основе учета совпадающих интересов. Накопленный опыт позволил выполнять ответственные поручения, одним из которых было участие в подготовке совместного выступления «трех миротворцев» – Никиты Хрущева, Джона Кеннеди и Папы Иоанна XXIII. Автором и непосредственным исполнителем этого замысла был Норман Казинс, действовавший в качестве посредника между

Кремлем, Белым домом и Ватиканом. На переговорах Казинса с Хрущевым в 1962-1963 гг. я был переводчиком и протоколировал итоги достигнутого взаимопонимания для последующего дипломатического оформления и обмена с двумя другими участниками «треугольника». Тройственная инициатива, казалось, уже начала обретать реальные очертания, но дальнейшего развития не получила. Сказалась, очевидно, все еще сковывающая инерция «холодной войны». К тому же, вскоре все три «миротворца» покинули политическую арену. Тем не менее, попытка совместного выступления ведущих мировых лидеров с призывом к миру, несомненно, способствовала смягчению международной напряженности, продвижению к ее разрядке и сдерживанию гонки вооружений.

Свою, внешне неприметную, но ценную лепту в этот процесс внес банкир Дэвид Рокфеллер, посетивший Москву в 1964 г. с целью улучшения советско-американских отношений. Помимо встреч на высшем государственном уровне он общался с представителями деловых кругов и общественности, в чем мне было поручено оказывать ему всяческое содействие.

К середине 1960-х годов я начал всерьез задумываться о том, как продолжить путь к осуществлению моей давней мечты – войти в науку. «Миротворческий период» в моем послужном списке затянулся на целое десятилетие. Но не сожалею, что в свое время сделал такой выбор. В чем-то, конечно, пришлось отклониться от намеченного курса, но накопился такой потенциал опыта и знаний, какой вряд ли удалось бы получить, если начинать с самой низшей академической ступеньки, в отрыве от живой практики. Да и не только это. Силы и время были отданы не зря. Пусть хотя и самую скромную частичку, но я внес в благородное дело, которое помогло предотвратить общечеловеческую катастрофу.

В 1964 г. я поступил в Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР на должность старшего научного сотрудника в отдел международных отношений. Директором Института тогда был академик Анушаван Арзуманян, а после его смерти – академик Николай Иноземцев. В Институте сразу же приступил к работе над докторской диссертацией, посвященной взаимоотношениям США с западноевропейскими союзниками по НАТО. Итогом исследования явилась диссертация «Эволюция «атлантической» политики США в отношении Западной Европы (шестидесятые годы)», которую защитил в 1970 г. и получил диплом доктора исторических наук. В 1979 г. стал профессором по специальности история международных отношений и внешней политики. В отделе международных отношений работал главным исследователем, заведовал сектором внешней политики США, а затем и всем отделом.

В составе группы ведущих исследователей Института принял участие в коллективном труде – трехтомнике «Международные отношения

после второй мировой войны» (Политиздат, М., 1962-1965, общий объем – 142 п.л.). Концепция этого новаторского исследования была задумана академиком Н.Н. Иноземцевым. И под его руководством коллектив авторов творчески разработал не только конкретные проблемы послевоенных отношений между государствами мира, но и наметил принципиально новые методологические подходы к изучению современных международных отношений как целостной глобальной системы со свойственными ей объективными закономерностями. Перспективное значение имело также предпринятое по инициативе Иноземцева системное исследование при моем участии проблем всемирного масштаба, затрагивающих человечество в целом. Итоги коллективного научного поиска легли в основу публикации «Глобальные проблемы современности» (Изд. «Мысль». М., 1981. 18 п.л.).

Вместе с академиком Н.Н. Иноземцевым я был ответственным редактором серии исследований внешней политики стран Запада – США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, малых стран Западной Европы, Японии, Австралии и Канады (Изд. «Мысль», М., 1972-1985, 8 книг общ. объем 184 п.л.). Был одним из участников научной разработки ИМЭМО и Института США, результаты которой суммировались в публикации «Международные конфликты» (Изд. «Международные отношения», М., 1972. 12 п.л.). Входил в авторский коллектив специалистов этих двух Институты и в число ответственных редакторов книги «Актуальные проблемы разоружения» (Изд. «Наука», М., 1978. 9 п.л.). В 1985 г. вышла в свет коллективная монография под моей редакцией и с моим авторским вкладом – «Центральная проблема мировой политики. Предотвращение ядерной войны» (Изд. «Мысль», М., 1985. 15 п.л.).

В 1977 г. по представлению Н.Н. Иноземцева Президиум Академии наук назначил меня заместителем директора ИМЭМО. В этой должности я проработал более 20 лет. В мои обязанности входило курирование международно-политических и военно-политических исследований Института и развитие научных связей с зарубежными исследовательскими центрами аналогичного профиля. В 1987 г. меня избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Важным направлением работы Института была подготовка заказных, но по большей части инициативных аналитических материалов, записок, докладов, которые направлялись в высшие партийные и правительственные инстанции. Научная разработка актуальных международных проблем проводилась в закрытом порядке под углом зрения наших национальных интересов по методике, максимально приближенной к реальности, без скидок на идеологические ограничения и потребности пропаганды. Объективная оценка обстановки и перспектив ее развития сочеталась с вытекающими из нее многовариантными рекомендациями, предназначенными

для дальнейшего рассмотрения при принятии политических решений на высшем государственном уровне.

Одной из форм такого рода специализированных исследований были ситуационные анализы, которые в повседневную практику Института ввели директор академик Иноземцев и зам.директора академик Примаков. Для каждого ситуационного анализа тщательно подбирались тема и детально разрабатывался порядок ее обсуждения, в котором принимали участие высококвалифицированные специалисты ИМЭМО и других академических институтов, а также приглашенные эксперты из правительственных структур. Обычно ситуационные анализы проходили под председательством академика Примакова, а некоторые поручали проводить мне. Итоги дискуссий обобщались в главных выводах ситуационного анализа с учетом разнообразия высказанных, в том числе и особых, мнений. Над текстом документа работала редакционная группа при обязательном участии руководства Института. В 1980 г. наши труды были отмечены Государственной премией СССР.

Погрузившись в академическую среду, я не порвал с прежней деятельностью. Участвовал в ряде мероприятий миролюбивой общественности у нас и за рубежом, в частности, в движении за европейскую безопасность, в международных симпозиумах по проблемам разоружения. Принял активное участие в подготовке и проведении Всемирного Конгресса за всеобщее разоружение и мир в Москве (1964 г.).

Большим авторитетом у мировой общественности пользовалось Пагуошское движение за мир, разоружение и международную безопасность, действовавшее с середины 1950-х гг. главным образом в западных странах. Движение объединяло ученых, особенно представителей точных наук, которые профессионально обосновывали всеобщую озабоченность нарастающей ядерной угрозой, доказали, что в случае применения оружия массового поражения в мире наступит «ядерная зима», в которой погибнет население во всех частях земного шара. Вместе с другими советскими исследователями я участвовал в симпозиумах Пагуошского движения в Мехико (1979 г.) и Банфе, Канада (1981 г.).

Вкладом советских ученых в предотвращение ядерной катастрофы явилось создание в 1979 г. Академией наук СССР совместно с Государственным комитетом СССР по науке и технике и Советским комитетом защиты мира Научного совета по исследованию проблем мира и разоружения. В состав Совета вошли видные ученые, политические и общественные деятели, представители культуры и искусства. Председателем Совета избрали академика Н.Н. Иноземцева, а одним из его заместителей назначили меня.

Организационные функции Совета возложили на ИМЭМО, прежде всего подготовку и издание его публикаций в серии «Мир и разоруже-

ние. Научные исследования» (Изд. «Наука», М., 1980-1987). Авторами статей были авторитетные деятели науки, политики, культуры. Издание предназначалось для советских и иностранных читателей, выходило в свет на русском, английском, французском, немецком и испанском языках. Еще до создания Научного совета ИМЭМО совместно с Советским фондом мира подготовил книгу «Общественность и проблемы мира» (Изд. «Международные отношения». М., 1978, 29 п.л.), в составе редколлегии которой работал и я.

Обмен мнениями по проблемам мира и разоружения в 1970-1980 гг. развертывался между Академией наук СССР и зарубежными центрами академической науки. Мне поручались ответственные задания по налаживанию межакадемических связей в США, ФРГ, Италии, Австралии, Канаде, а также с Академией наук Ватикана.

В качестве специалиста «миротворческого» научно-политического профиля встречался с многочисленными зарубежными коллегами-исследователями на симпозиумах самого разного состава и формата. Об интенсивности такого профессионального общения свидетельствует перечень городов, в которых на протяжении более двух десятилетий «холодной войны» и сразу после ее окончания происходили встречи: Цюрих, Вена, Варшава, Лондон, Франкфурт-на-Майне, Стокгольм, Женева, Нью-Йорк, Оттава, Бонн, Мадрид, Хельсинки, Рим, Гамбург, Мельбурн, Люксембург, Будапешт, Сеул и др.

Пришлось мне поучаствовать в одном заведомо неудачном проекте, сформулированном генсеком ЦК КПСС Леонидом Брежневым на XXVI съезде партии (1981 г.). Речь идет о его указании создать из виднейших ученых мира авторитетный международный комитет за предотвращение ядерной катастрофы. Подготовку к формированию такого комитета возложили на вице-президента Академии наук академика Евгения Велихова, а помощником ему назначили меня. Мы побывали для начала в Лондоне и Риме, где советские дипломаты наметили круг возможных кандидатов для участия в предлагаемом комитете. В итоге бесед с известными учеными выяснилось то, что должно было бы быть очевидным и без наших поездок: идея выступления против угрозы ядерной войны ни у кого не вызвала сомнений. Но никто не соглашался войти в комитет, созываемый по инициативе руководства СССР, особенно после вооруженного советского вторжения в Чехословакию и Афганистан. Миссия оказалась невыполнимой. Но, как сложилось в нашей практике, прекращать ее не собирались и требовали большей настойчивости от исполнителей. Все разрешилось само собой в ноябре 1982 г., когда вместе с кончиной генсека незаметно исчезла и его директива.

Немалая часть моей работы на научно-политическом и дипломатическом поприще была связана с Организацией Объединенных Наций. В июне 1978 г. я присутствовал на Специаль-

ной сессии ООН по разоружению и выступал с трибуны Генеральной Ассамблеи от имени ИМЭМО как неправительственной организации. Затем без отрыва от работы в Институте я выполнял функцию официального представителя Советского Союза в специализированных подразделениях ООН – Консультативном совете по исследованиям в области разоружения и Группе правительственных экспертов по мерам доверия (1981-1986 гг.). Получая соответствующие указания от Министерства иностранных дел и министерства обороны, я участвовал в заседаниях этих двух подразделений ООН, каждое из которых собиралось дважды в год, обычно в Нью-Йорке, штаб-квартире Организации, но иногда в Женеве, во дворце бывшей Лиги наций.

Мне предоставлялась достаточно широкая свобода маневрирования и выбора аргументов в дискуссиях, однако при том понимании ответственности, которая налагалась на меня в моем официальном статусе. Директивные указания очерчивали контуры наших интересов и ставили конкретные задачи в рамках советской внешней политики. Согласование принимаемых нами обязательств и приемлемых для нас компромиссов было прерогативой Москвы, что и осуществлялось через Советское Представительство при ООН.

В Консультативном совете обсуждались концептуальные основы проблем ограничения и сокращения вооружений и намечалась приоритетность их решения путем достижения международных соглашений. Рекомендации Совета, действующего на основе равноправного и сбалансированного географического и политического представительства, требовали консенсуса участников и предназначались для дальнейшего рассмотрения вышестоящими органами ООН.

Группа по мерам доверия была создана для подготовки доклада по этой конкретной проблеме. Имелось в виду найти точки соприкосновения интересов государств в создании и обеспечении взаимного доверия как важного компонента процесса снижения уровня глобального военного противостояния. Задача не из простых, ибо необходимо было учитывать наличие несовместимых позиций сторон, затрагивавших их базовые военно-политические установки. И всё же существовали те зоны взаимоотношений, которые позволяли выявить возможность укрепления выгодного для всех доверия. К этому и стремились эксперты группы. Работа интересная и полезная, хотя и заставлявшая порой испытывать нажим как со стороны американцев, так и со стороны наших ведомств, одинаково настороженных к неконтролируемому свертыванию гонки вооружений. Возникали острые моменты, но в конечном итоге удалось найти общий знаменатель интересов, прийти к разумному согласию по текстам обсуждавшихся проектов доклада и единодушно принять его, несмотря на всё еще далеко не спокойную международную обстановку. Доклад был представ-

лен Генсекретарю ООН, одобрен им и направлен правительствам государств-членов этой международной организации. Впоследствии он послужил одним из материалов, представленных на рассмотрение Конференции по мерам доверия и безопасности в Стокгольме, которая завершилась подписанием соответствующего международного соглашения (1986 г.).

Как заместителю директора ИМЭМО после перехода Примакова на пост директора Института востоковедения в 1977 г. мне нередко приходилось сидеть вместо Иноземцева в директорском кресле во время его отсутствия в связи с выполнением заданий высшего руководства в группе разработчиков партийно-государственных документов. Но более уверенно ощущал я себя не столько при выполнении административных обязанностей, сколько в сфере научно-политической деятельности, особенно по развитию международных связей Института, выступая, по словам Николая Николаевича, в качестве его «министра иностранных дел». Прежде всего, он переложил на меня обязанности советского представителя на встречах директоров международных институтов социалистических стран Европы. Я возглавлял наши делегации на ежегодных встречах, проходивших в порядке ротации у нас, в ГДР, Польше, Чехословакии, Венгрии и Болгарии. В такой же роли я участвовал во встречах директоров институтов международного профиля всей Европы, которые прошли в Варшаве, Берлине, Осло, Стамбуле и Лиссабоне.

Успешно развивались научные и – одновременно политические по значению – связи ИМЭМО с исследовательскими центрами Запада. Среди них особенно выделялись встречи «круглого стола» с британским Королевским институтом международных отношений (Чатем хаус). Выстроенные по модели Дартмутских встреч «круглые столы» были так же необычны по составу участников. Наряду с учёными на них приглашали бывших и действующих политиков, отставных военных, представителей общественности, деятелей культуры. Дискуссии и высказанные на них мнения не предназначались для публикации, а выводы и рекомендации доводились до сведения советского и британского руководства. На протяжении 1975-1992 гг. состоялось 15 таких встреч, попеременно в Лондоне и Москве, и в каждой из них вместе с Иноземцевым, а затем с другими директорами Института, я неизменно принимал активное участие. «Круглые столы» оставили заметный след в советско-британских, порой обострявшихся, отношениях, внося в них стабилизирующий стимул. Более того, за рамками этих двусторонних отношений встречи сыграли определенную позитивную роль в европейских и более широких международных делах.

В том же направлении развивались другие зарубежные связи ИМЭМО, входившие в круг моих обязанностей. Регулярные встречи на двусторонней основе, обмен результатами

исследований, совместные разработки актуальных международных проблем проводились с Исследовательским институтом Немецкого общества внешней политики (Бонн), Атлантическим советом США (Вашингтон), Советом по проблемам национальной безопасности (Токио), Французским институтом международных отношений (Париж), Итальянским институтом международных отношений (Рим), Институтом международных отношений Финляндии (Хельсинки), Национальным университетом Австралии (Канберра), Институтом международных отношений Республики Корея (Сеул) и др.

Как помощник и единомышленник академика Иноземцева, я всячески старался помочь развертыванию исследовательского процесса Института, и не в последнюю очередь сугубо теоретических изысканий. Однако именно в этой области не все складывалось благополучно. В частности, на непреодолимые трудности натолкнулась предложенная Николаем Николаевичем фундаментальная разработка основ отечественной науки о международных отношениях. Он исходил из реалий современного мира, наличия целостной глобальной системы взаимоотношений государств и народов, обусловленной не только базовыми закономерностями общественного развития, но и своими собственными, специфическими объективными характеристиками. Однако восприятие этой истины блокировалось обстановкой глобальной конфронтации и идеологической нетерпимости. Советская историография сковывалась диктатом «классового подхода». Толкование всего происходящего в мире предписывалось втискивать в прокрустово ложе догм «научного коммунизма», вопреки кричащему противоречию их действительности. Строить теорию международных отношений на такой шаткой основе в угоду догматическим требованиям было невозможно. Тем не менее, ученые Института ухитрились создавать элементы и целые блоки системной концепции международных отношений, которые могли лечь в фундамент целостной теории. В глухое застойное время завершить начатое исследование не удалось. Но созданные научные заделы оказались востребованными, когда перед российской наукой открылись широкие творческие возможности.

К сожалению, этого уже не удалось увидеть Николаю Николаевичу. Тоталитарная система, в которой он, как и все мы, трудился, убила его. Когда брежневская эпоха вступила в пору заката, в верхах разгорелась подковерная борьба за места в номенклатурной иерархии. Укоренившиеся во власти консерваторы опасались прихода в руководство новых, свежих кадров. Таким оказался прогрессивно мыслящий, деятельный и перспективный академик Иноземцев. А заодно с ним – и его Институт. Началась организованная ожесточенная травля, стоившая Николаю Николаевичу преждевременно оборвавшейся жизни. ИМЭМО же оказался на волосок от раз-

грома. Только новая расстановка сил в кремлевском руководстве и сплоченность коллектива Института позволили ему выжить и продолжить плодотворную научную деятельность.

В 1983 г. директором ИМЭМО назначили Александра Николаевича Яковлева. В прошлом ответственный партийный работник, изгнанный из аппарата ЦК за «несвоевременные мысли» и направленный послом в Канаду, где и пробыл целое десятилетие. Во время своего визита в эту страну Горбачев, тогда еще только Секретарь ЦК по сельскому хозяйству, познакомился с Яковлевым и нашел в нем единомышленника. Вскоре опального деятеля отозвали на родину. В Институте академик Яковлев продолжил «иноземцевский» курс исследований актуальных международных проблем и прогнозирования, направленных на решение неотложных задач страны, которая все глубже заходила в тупик. Приоритетное внимание было уделено научным разработкам, призванным доказать бесперспективность и опасность для нас безудержной гонки вооружений и силового противостояния, жизненную необходимость преодоления идеологического раскола мира и решению наших давно назревших внутренних проблем. На этом направлении институтских исследований я получал деятельную поддержку со стороны директора.

Александру Николаевичу приходилось отбивать наскоки на ИМЭМО «ревнителей» идеологической бдительности, подобно тем, кто травил Николая Николаевича. Делал он это решительно и жестко, ограждая ученых Института от произвола всякого рода инспекторов. Директорствовал Александр Николаевич недолго. Когда Горбачева избрали генсеком, Яковлев стал его соратником по перестройке, поднялся на высший партийный уровень. Директором ИМЭМО в 1985 г. назначили академика Евгения Примакова.

Евгений Максимович вернулся директором в Институт как в дом родной. За семь лет пребывания заместителем директора (1970-1977 гг.), он близко узнал ученых Института. Мы крепко подружились и пронесли нашу дружбу через десятилетия вплоть до настоящего времени, какие бы высокие государственные посты он ни занимал. Академик Примаков направил исследования ИМЭМО на преодоление застарелых догм, прежде всего это касалось несостоятельности тезиса об абсолютной несовместимости на мировой арене социализма и капитализма. В благоприятной атмосфере горбачевского «нового мышления» в Институте началась разработка конкретных проблем, связанных с взаимозависимостью и целостностью современного мира, с взаимовлиянием и взаимовыгодностью отношений мирного сосуществования двух различных общественных систем.

При академике Примакове в ИМЭМО активизировался поиск новых внешнеполитических подходов, рассчитанных на то, чтобы пере-

ломить все еще опасные тенденции, чреватые ядерной катастрофой, оптимизировать военную деятельность СССР на уровне разумной оборонной достаточности, добиться радикального сокращения вооружений и обеспечения надежной национальной и международной безопасности. Как и в предыдущие годы, мы работали в творческом тандеме. Вместе готовили инициативные аналитические записки для директивных инстанций и специализированных ведомств. Евгений Максимович по-прежнему сам проводил ситуационные анализы по общим и экономическим проблемам, а по военно-политическим обычно поручал мне. ИМЭМО расширил профессиональные контакты с зарубежными экспертами по международной безопасности, в первую очередь в США, в частности, с Исследовательским институтом Стэнфордского университета (SRI) и с Корпорацией исследований и развития (RAND). Сопоставление наших оценок и позиций было весьма полезным, поскольку выявило наличие совпадающих интересов обеих сверхдержав в последовательном снижении их военного противостояния.

Важное значение для улучшения советско-американских отношений имели обмены делегациями депутатов Верховного Совета СССР с сенаторами и членами палаты представителей Конгресса США. Наш Институт, его директор, заместители директора, ведущие исследователи в качестве экспертов принимали участие в этих обменах, равно как и в других двусторонних и многосторонних встречах парламентариев. Вообще следует отметить, что во время директорства Иноземцева, Яковлева и Примакова ИМЭМО стал признанным центром не только творческой разработки современных международных проблем, но и притяжения профессиональных интересов зарубежных ученых, а также государственных деятелей, политиков, военных, бизнесменов, журналистов. Частыми гостями Института были аккредитованные в Москве послы и другие дипломаты из многих, преимущественно западных стран. В беседах с ними директора и его заместителей вырисовывались такие аспекты обсуждавшихся проблем, которые представляли интерес как для научных исследований, так и для формирования концепций и выработки практических решений нашей внешней политики.

Вспоминая о расширении международной деятельности ИМЭМО и моей роли как ответственного за этот участок работы, хочу отметить один необычный, даже парадоксальный, феномен. С одной стороны, в послевоенный период Советский Союз – победитель в Великой войне – с высоты достигнутого международного авторитета постепенно и неумолимо сползал к распаду вследствие своих фундаментальных, системных пороков. С другой стороны, ИМЭМО в первые три десятилетия своего существования набирал силы, повышал уровень научных изысканий и востребованности их результатов, получал все

более широкое признание внутри страны и за рубежом. Бесспорно, во многом это заслуга его руководителей – Арзуманяна, Иноземцева, Яковлева и Примакова. Но, кроме того, подъем Института, его «золотой век» стал возможен потому, что целеустремленность творческого труда сплоченного коллектива исследователей превратилась в самодвижущую силу, способную преодолевать препоны тоталитарного режима и преданно служить науке на благо своей страны и упрочения ее положения в мире.

Работа Института заметно оживилась в годы горбачевской перестройки. Снятие догматических ограничений способствовало расширению диапазона исследований. Прежде строго запрещенная тематика не только интенсивно разрабатывалась, но ее результаты становились достоянием гласности. Разнообразные и глубокие по содержанию материалы публиковались в институтском журнале «Мировая экономика и международные отношения» и в информационно-аналитическом издании «Международный ежегодник. Политика и экономика», (затем «Год планеты»), главным редактором которого я проработал четверть века (1979–2005 гг.).

В аспирантуре Института расширялась подготовка молодых специалистов. Не один десяток аспирантов под моим научным руководством подготовили и защитили диссертации и успешно продвинулись в науке и на государственной службе.

Работу в Институте я совмещал с участием в расширяющихся международных общественных и государственных связях. В мае-июне 1985 г. в Мексике состоялся симпозиум представителей парламентов многих стран по проблемам сокращения обычных вооружений. На нем присутствовала и делегация Верховного Совета СССР, в которую как эксперта включили меня. В том же качестве я участвовал в октябре 1987 г. во встречах делегации депутатов Верховного Совета с парламентариями Бельгии и Нидерландов, а также Европейского сообщества в Страсбурге, Франция. Выступал на слушаниях по вопросам сокращения вооруженных сил и вооружений в Европе в парламентах Дании, Норвегии, Нидерландов (1984 г.). В составе группы консультантов-международников участвовал в практических мероприятиях советских посольств в Лондоне, Копенгагене, Стокгольме и Афинах (1984–1988 гг.). Присутствовал в качестве наблюдателя на конференции лейбористской партии Великобритании в Борнмуте (1985 г.).

Довелось мне быть участником встреч на высшем уровне – между Горбачевым и Рейганом в ноябре 1985 г. в Женеве и в декабре 1987 г. в Вашингтоне. Меня включали в информационно-аналитическую группу ученых и журналистов, которым поручалось общаться с официальными лицами, политиками, общественными деятелями и представителями средств массовой информации. Мы оценивали состояние и динамику психологического настроя американской поли-

тической элиты и различных слоев общества в связи с переговорами между двумя президентами. Со своей стороны мы высказывали суждения о тех или иных аспектах советской внешней политики, вступали в диалог о возможностях и трудностях взаимодействия СССР и США. Независимо от степени влияния наших оценок на исход саммитов, само прикосновение к большой политике дало ощущение исторической значимости этих событий и обогатило практическим опытом постижения сложности современных международных дел.

Переломный момент в истории нашей страны в августе 1991 г., крах советского тоталитарного порядка и победу сил демократии я встретил с одобрением и надеждой на возрождение России, превращение ее в свободную и процветающую державу, занимающую достойное место в мировом сообществе. Со вступлением страны на путь демократического развития наука начала освобождаться от догматических препон, сковывавших ее творческий потенциал. Настало время концептуального обновления методологии познания мира, которая десятилетиями находилась под идеологическим диктатом, для развертывания объективных исследований реальных проблем современности.

Потребовалось приводить науку о международных отношениях в соответствие с эпохальными переменами в стране и в мире. К решению этой многомерной задачи приступили ИМЭМО и другие институты Отделения проблем мировой экономики и международных отношений теперь уже Российской академии наук. Итоги их совместных исследований суммировались в докладе «Национальные интересы России и главные факторы формирования ее внешнеполитической концепции» (1994 г.). Главный вывод доклада исходил из того, что российское руководство при поддержке народа сделало принципиальный выбор в пользу демократии, продиктованный национальными интересами страны и реальностями современного мира. Поэтому жизненно необходимо было предпринять все возможное, в том числе и посредством внешней политики, чтобы сделать этот исторический выбор необратимым и воплотить его в конкретные дела на благо россиян. Будучи соавтором этого доклада, я провел собственные изыскания, касающиеся некоторых конкретных аспектов формировавшейся концепции, в частности, геополитического положения российского государства и параметров его защищенности в современном неспокойном мире. Подготовил научную разработку «Национальная безопасность России» (1997 г.).

Что касается состояния ИМЭМО в 1990-е гг., как и Академии наук в целом, то было оно двойственным. Наблюдался бурный всплеск творческой активности, но в то же время резко ухудшились материальные условия обеспечения научного процесса. Ученые с энтузиазмом взялись за работу по-новому, а директору Институ-

та академику Владлену Мартынову с огромным трудом удавалось удерживать его «на плаву». При острой нехватке всего необходимого для проведения плановых исследований и оплаты труда научных сотрудников приходилось изыскивать любые законом не запрещенные способы, чтобы сводить концы с концами. Вопреки всему, Институт выстоял. «Утечки мозгов» не произошло. Производство научной продукции, хотя и сократилось, но не прервалось.

Но все-таки на положении Института отразились переживаемые тогда страной тяжелые времена. Его авторитет пошел на убыль, приток молодых кадров снизился почти до нуля, сократился объем публикаций, уменьшилась востребованность аналитических материалов со стороны государственного руководства, сузился круг внутриакадемических и, особенно, международных связей.

Преодолевать последствия накопившихся трудностей предстояло лишь с наступлением XXI века, по мере стабилизации положения в стране и укрепления ее международных позиций. И такая задача встала уже перед следующим, более молодым поколением руководителей ИМЭМО, первым и деятельным представителем которого стал академик Александр Дынкин. При его директорстве Институт начал зримо обретать былой престиж, академическую, общественную и политическую значимость. Развернулись программы масштабного исследования актуальных проблем экономики и политики. Заметно омолодился состав научных сотрудников. Усовершенствовалась система управления научным процессом, увеличилось число коллективных и индивидуальных публикаций, возобновилась практика ситанализов. Проявился интерес «в верхах» к аналитическим запискам и рекомендациям. Оживились и наполнились современным содержанием международные связи, стали предприниматься совместные проекты с зарубежными исследовательскими центрами и видными политическими деятелями, а результаты их трудов явились предметом презентации перед российской и международной аудиторией.

Но все это происходило уже без моего непосредственного участия как члена руководства ИМЭМО. Возраст и недуги стали брать свое. После двух десятков лет в должности заместителя директора ИМЭМО я подал в отставку и был назначен Президиумом РАН советником Российской академии наук (1998 г.). Оставаясь в штате ИМЭМО и членом его Ученого совета и Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, я сосредоточился на сугубо творческой области академической деятельности – на создании итоговой серии научных трудов о международных отношениях и внешней политики России.

Первой в этой серии вышла в свет капитальная монография «Международные отношения. Трансформация глобальной структуры» (Изд. «Наука». М., 2003, 36 п.л.). В монографии просле-

живается эволюция структурной организации системы международных отношений во всемирном масштабе с конца XIX в., через весь бурный XX в. и вплоть до настоящего времени. На фоне смены исторических эпох и сдвигов в расстановке сил на мировой арене рассматриваются этапы развития и столкновения глобальных процессов, порождающих тенденции к формированию двухполюсности, однополюсности и многополюсности международных отношений. Прогнозируются возможности и вероятные модели будущего структурного построения взаимоотношений государств на глобальном уровне, место и роль в них России.

Следующая монография «Международная безопасность: прошлое, настоящее, будущее» (Изд. ИМЭМО РАН, М., 2006, 27 п.л.) посвящена исследованию истоков возникновения и развития международной безопасности как объективно обусловленного процесса в мировой политике. В контексте обнадеживающих перемен и разнообразных угроз рассматриваются параметры и приоритеты всеобъемлющей коллективной безопасности, предпосылки которой складываются вопреки национально ограниченным интересам, традиционно преобладающим над интересами мирового сообщества как взаимосвязанного целого. Выявляются неодолимые глобальные тенденции, которые, несмотря на противоречия нынешнего времени, предопределяют возрастающую активность и притягательность системы, органически соединяющей в себе компоненты безопасности как национальной, в том числе российской, так и международной в интересах обеспечения мирного будущего человечества.

Третьей в серии явилась монография «Национальные интересы и внешняя политика» (Изд. ИМЭМО РАН, М., 2010, 34 п.л.). В ней рассматривается проблема взаимосвязи национальных – в отличие от сугубо государственных – интересов, определяющих формирование и осуществление внешней политики в нашей стране и за рубежом на протяжении длительного исторического срока. Анализ этой острой и внутренне противоречивой проблемы в контексте сложного переплетения и столкновения самых

разных интересов, принципов и практики, идеологии и прагматики позволяет проникнуть в суть динамики и перспективности внешнеполитических процессов России и других государств под воздействием национальных потребностей и императивов современного мирового развития. Постановлением Президиума Российской академии наук от 23 октября 2012 г. монография удостоена Премии имени Е.В.Тарле.

Над четвертой монографией – «Геополитический статус России» – работаю в настоящее время.

Завершая очерк своей трудовой деятельности, хочу выразить самые добрые чувства тем, кому я обязан достижением главных целей моей жизни. С глубокой благодарностью и искренней признательностью вспоминаю моих учителей и наставников, которые ввели меня в удивительный мир познания, научили вникать в суть прошлого и настоящего, заглядывать в будущее. Неоценимы доброжелательность и поддержка коллег, сослуживцев, товарищей и друзей, всех, с кем мне довелось работать на миротворческом, дипломатическом и академическом поприще. Всем им огромное спасибо. И, конечно же, я не достиг бы того, к чему стремился без понимания и помощи моих родителей и всех родных, в первую очередь жены Ирины, с которой мы прожили душа в душу вот уже более шести десятков лет. Она для меня – советчик и помощник во всех моих делах.

Благодарен я за высокую оценку моего труда, отмеченного правительственными и иными наградами: Государственной премией СССР, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, восьмью отечественными медалями, Серебряной медалью Всемирного Совета Мира, Премией имени Е.В.Тарле Российской академии наук, Юбилейными знаками Института мировой экономики и международных отношений РАН и Московского государственного института международных отношений МИД РФ (МГИМО-Университет).

*Years in Science, Diplomacy, Fight for Peace
Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences Oleg Nikolaevich Bykov.*